

колонка критика

На театральной карте Москвы появилось еще одно название — Экспериментальный театр «На Трифононской». Казалось бы, не произошло ничего особенного: сегодня театральные коллективы самых разных типов и на самые разные вкусы появляются словно грибы после дождя. Но этот театр, по-моему, особенный.

Антреприза на Трифононской

Особенный прежде всего способом своей организации. Он возрождает крепко забытый у нас принцип антрепризы, когда главой дела является энергичный директор, приглашающий на постановку режиссеров, собирающий для участия в том или ином спектакле актеров. Юрий Митин, драматург, актер, а теперь еще и менеджер, задумал свою антрепризу как «разомкнутую систему», нацеленную на поиск подлинных талантов и настоящих профессионалов. Объединившиеся вокруг него люди пришли из разных — московских и периферийных — театров. Они помогли оборудовать уютный театральный зал на 85 мест, устроить кафе, которое готово принять посетителей не только в антракте, но до и после спектакля, наконец, отыскать место для видеола, в котором любителям театра будут предложены фильмы-спектакли выдающихся отечественных и зарубежных режиссеров.

Именно здесь работал клуб для участников акции «Некст стоп-Советы», и таким образом деловая хватка руководителя театра и энтузиазм всех тех, кто в нем работает, прошли весьма жесткую проверку. В те дни был не только приобретен полезный опыт общения с зарубежными коллегами, но и возникло немалое число новых идей. Театр «На Трифононской», в частности, обещает стать своеобразным театральным клубом, двери которого будут открыты и перед широким зрителем, и перед мастерами сцены не только в обычное, но и в неурочное, скажем, ночное время; обдумывается способ его превращения в культурный центр с самой широкой и разнообразной программой.

Однако планы планами, организационное своеобразие своим чередом, на репутацию театру могут обеспечить единственно его спектакли. Думается, что и в этом отношении театр «На Трифононской» заслуживает внимания и обещает многое.

Казалось бы, хозрасчетный театр вынужден работать на кассу и поневоле потрафлять вкусам зрителей. Но в театре, о котором я веду речь, отсутствует упрощенный и «укороченный» контакт сцены с залом. Если его работы и сориентированы на зрителя, то четкостью жанрового решения, отменным, на мой взгляд, профессионализмом актеров, который не может не вызвать уважения, да еще ясностью режиссерской трактовки, неизменно включающей звучание произведений в контекст наших сегодняшних проблем, тревог и надежд.

Я вовсе не утверждаю, что «Амфитрион» Петра Хакса (режиссер Ю. Копылов) и «Куриные головы» Д. Шпиро (режиссер В. Богатырев), идущие сегодня «На Трифононской», во всем безупречны. Но для меня несомненны немалые достоинства этих постановок.

«Амфитрион» приносит на маленькую сцену дыхание площадного действия и карнавального игрища и вместе с тем — утонченность многократно обыгранного в мировой комедии сюжета. Создатели спектакля проявляют завидное чувство стиля, удерживая свою постановку на грани между тем и этим. Они совмещают остроту комедийных ситуаций, которые разыгрывают, от души веселясь, с высоким и трогательным лиризмом, освещающим внутренний мир персонажей и прежде всего Алкимы. Алкима Веры Беляевой не просто эмоциональный центр спектакля. Она становится средоточием его нравственного смысла, эта маленькая, обычной внешности женщина, которая вырывается из позолоченной клетки безлюбого домашнего существования навстречу подлинной страсти и счастью и буквально расцветает на наших глазах, становится красавицей...

Если в «Амфитрионе» — красивом, широком по рисунку и динамичном спектакле — звучит тема раскрепощающей любви, то в «Куриных головах» театр поступает прямо противоположным образом. Он ведет нас в темный и насквозь узнаваемый мирок современных городских полутрущоб, знакомит с коммунальным бытом обитателей крохотных квартир, где не находится места не только любви, но даже элементарному человеческому участию, где за все мало-мальски доброе приходится жестоко расплачиваться.

Тусклое, медлительное, но чреватое взрывами ничем не мотивированных эмоций существование персонажей, казалось бы, подавляет здесь всех. Однако перед нами успевает раскрыться не только острое психологическое своеобразие каждого лица, но и неповторимость каждой судьбы, в равной мере искаженной эгоизмом и искащенной условиями жизни. Вот страшющаяся одиночества и всеми силами его обороняющая Соседка (И. Борзовикова); вот старательно отстраняющий от себя всякую возможность контакта с окружающими «высококачественный» Учитель (В. Андреев); вот постоянно выходящий из себя, скрывающийся за грубостью собственную закомплексованность «работяга» — Отец (В. Кукшанов); вот щемяще-беззащитный, обделенный лаской, замкнутый и во всем изверившийся Мальчишка (А. Резников); вот поначалу озлобленная, но способная на порывы доброты, в потопу и обреченная Старуха (Т. Кольцова)...

Вероятно, нужно было бы назвать всех действующих лиц, всех исполнителей, потому что каждый вносит свой вклад в сущностную и переменчивую атмосферу этой ансамблевой постановки, в ее звучание. А звучит в спектакле, начинающемся умиротворением кошки и завершающемся лавиной убийством человека, пронзительная тоска. Тоска по жизни осмысленной, человеческой, прекрасной, в которой не будет места равнодушию, нетерпимости, равнодушию, — все-таки тому, что превращает нас в обывателей, питает нашу черствость, зачастую перерастающую в жестокость.

Театр «На Трифононской» показал два серьезные работы, которые не только не теряются на общем и весьма пестром фоне столичной театральной жизни, но кое в чем и выгодно от него отличаются. Потому-то я желаю Юрию Митину и его товарищам удачи, а москвичам — запоминающегося знакомства с живым искусством театра, только что родившегося на Трифононской. 56.

А. ЯКУБОВСКИЙ.